

Гиссарскій край.

(Очеркъ горной Бухары).

Глава I.

Начало Кафернигана.—Собаки.—Чистота у киргизовъ.

Беря свое начало въ ледникахъ Гиссарскаго хребта, рѣка Каферниганъ, образуется изъ слиянiя цѣлаго ряда горныхъ рѣчекъ и ручьевъ, составляющихъ собою рѣку Роумить-Дарью, протекающую черезъ Роумитское ущелье.

Принявъ около кишлака Мунка-Тюбе, въ 4 верстахъ отъ г. Дюшамбе, рѣку Варзобъ-Дарью, вытекающую и Варзобскаго ущелья, Варзобъ и Роумить-Дарья уже далѣе принимаютъ названiе Кафернигана. Около Гиссара въ Каферниганъ впадаетъ Ханеке-Дарья, а съ лѣвой стороны, вырываясь изъ горъ Яванъ-Тау, рѣка Илекъ.

Представляя изъ себя многоводную горную рѣку, Каферниганъ протекаетъ вначалѣ по широкой плодородной равнинѣ, въ которой расположены большiе города: Файзабадь, Каферниганъ, Дюшамбе

и Гиссаръ, но затѣмъ около ущелья Пави-Дюль-Дюль долина суживается, и рѣка до самаго Кабадіана, ограниченная хребтами Баби-Тау и Гази-Малекъ, не широка, и прибрежная полоса рѣки почти не заселена.

Собираясь проѣхать изъ Кабадіана въ Дюшамбе, до котораго насчитывается около ста верстъ, я рѣшилъ выѣхать пораньше чтобы избѣжать жаркаго времени, которое удобно было провести, отдыхая въ одномъ изъ попутныхъ селеній.

— Желая, чтобы всемогущій сохранилъ васъ отъ всякихъ случайностей, пожелалъ гостепріимный бекъ, вставшій, чтобы меня проводить, и, уже успѣвшій совершить утренній намазъ.

Я поблагодарилъ и, выбравъ дорогу по лѣвому берегу рѣки, двинулся по извивавшейся узкой улицѣ. Безконечные дувалы снова потянулись съ обѣихъ сторонъ, а затѣмъ Кабадіанъ остался позади, а впереди растилались засѣянные поля, изрѣзанные глубокими арыками съ журжащею въ нихъ мутною водою.

Заросли камыша и джиды чередовались съ обработанными участками.

Вся эта прибрежная полоса рѣки съ обѣихъ сторонъ, вмѣстѣ съ островами, покрытыми огромными зарослями тугаевъ, представляетъ собою одно изъ лучшихъ, во всей Средней Азіи, мѣстъ для охоты. Со спадомъ лѣтнихъ водъ на обнажившихся низинахъ появляются съ сентября мѣсяца огромная стада различной дичи: утки всѣхъ видовъ (чирки, чернь, кряквы и лыски), положительно, кишатъ на озерахъ и болотахъ. Кулики, кроншнепы, бекасы торопливо снуютъ по отмелямъ, наполняя окрестности своими криками; среди которыхъ красивыми металлическими звуками слышатся голоса лебедей, царственно красиво, изгибая шеи, плавающихъ въ широкихъ заводяхъ рѣки. Огромная стада дикихъ сѣрыхъ гусей покрываютъ зеленя лужайки, лѣниво пощипываютъ траву и, благодаря ненапуганности, совершенно не боятся человѣка.

Будто колоссальный птичій дворъ являютъ тогда собой берега рѣки, дразня каждаго охотника своимъ изумительнымъ обиліемъ, благодаря которому даже утрачивается всякое желаніе произвести выстрѣлъ по безчисленнымъ стадамъ представителей водяной дичи.

Полное отсутствіе охотниковъ создаетъ особое положеніе, благодаря которому вся птица относится настолько довѣрчиво къ человѣку, что лишь, ближайшія, лѣниво поднимались со своихъ

мѣсть при нашемъ проѣздѣ и тотчасъ же садились тутъ же, пролетѣвъ всего нѣсколько саженьей.

Охорашиваясь, обчищаясь, ныряя и хлопая крыльями, всѣ эти стада своимъ веселымъ крикомъ оживляли пустынные берега.

Одинъ разъ въ два, три года, проходятъ эти мѣста охотничьи команды изъ Термеза, и тогда начинается безошадное избіеніе всѣхъ пернатыхъ. Въ теченіе нѣкотораго времени весело пощелкиваютъ выстрѣлы на какомъ-нибудь озерцѣ, но затѣмъ произведенное опустошеніе въ стадахъ, даетъ такую огромную добычу, которая заставляетъ прекратить охоту; и снова наступаетъ тишина.

Мѣстные туземные охотники—«мергени», лишь осенью соблазненные огромнымъ числомъ гусей, охотятся на нихъ, убивая порядочное число изъ своихъ неуклюжихъ мултуковъ. Утокъ же и другую мелкую водяную птицу они не бьютъ, считая для себя не выгодною, какъ не окупующую стоимости заряда пороха, очень дорогого въ этихъ мѣстахъ.

Позднею осенью, соблазненный бѣлоснѣжнымъ пухомъ, мергенъ старается подкараулить и подстрѣлить лебедя, что не особенно часто удается, вслѣдствіе осторожности этой птицы, не подпускающей охотника близко.

Лишь около городовъ съ большимъ населеніемъ имѣются охотники-промышленники изъ туземцевъ, убивающіе по нѣсколько сотенъ гусей весною и осенью, продавая ихъ мясо, пухъ и перья.

Но зато такіе мергени почти круглый годъ охотятся на хищныхъ звѣрей, въ изобиліи водящихся въ заросляхъ долины Кафернигана. Дикія кошки, лисицы, барсуки, выдры, барсы, каракулаки и тигры имѣютъ всегда въ каждомъ раіонѣ врага, въ лицѣ мергеня, ведущаго съ ними безошадную войну, разставляя вездѣ капканы. Лишь кабанамъ, мясо которыхъ запрещено употреблять въ пищу правовѣрнымъ, привольно и безопасно живетъ въ заросляхъ, гдѣ ихъ никто не тревожитъ въ теченіе лѣта.

Цѣлые стада откормившихся кабановъ, населяютъ острова и прибрежныя заросли, вызывая людей лишь при появленіи на засѣянныхъ поляхъ, на которыхъ они производятъ порядочныя опустошенія.

Осенью любителями туземцами устраиваются облавы на кабановъ, причемъ мясо убитыхъ идетъ на кормъ собакамъ, въ большемъ числѣ окружающимъ каждую саклю или кибитку туземцевъ.

Съ громкимъ лаемъ, готовыя разорвать cadaго чужого, на-

бросились собаки на насъ, при проѣздѣ мимо одного изъ кишлаковъ.

— Хорошія собаки, одобрилъ одинъ изъ бухарцевъ остервенившихся псовъ.

— Зачѣмъ такъ много вы ихъ держите? спросилъ я, видя эту голодную стаю, мало похожую на нашихъ добродушныхъ дворнякъ.

— Нужно, тюра: въ степи баранту они караулятъ. Около кибитокъ, не подпускаютъ нехорошаго человѣка, хозяинъ спать можетъ спокойно.

— Это правда, вмѣшался въ разговоръ мой джигитъ, Сафаръ-Бай. Безъ собакъ нельзя. У насъ говорятъ: Аллахъ сотворилъ собаку и хозяйкѣ въ помощь.

— Ну, какъ же можетъ хозяйкѣ помочь собака, спросилъ я съ большимъ сомнѣніемъ.

— А вотъ, тюра, у насъ рассказываютъ одну исторію.

«Жилъ въ одномъ кишлакѣ мулла праведной жизни. Хорошій, еще не старій человѣкъ. Неподалеку отъ него умеръ одинъ богатій бай, его сосѣдъ, и осталась послѣ него молодая красивая вдова. Сталъ мулла ходить къ вдовѣ въ гости, утѣшая ее словами мудрости, вычитанными изъ книгъ, написанныхъ святыми людьми. Но сосѣди не понимали доброты муллы и стали всѣ говорить, что дѣло тутъ не чисто.

И каждый вечеръ, когда хозяйка начинала готовить пловъ на ужинъ, можно было видѣть, что сидитъ мулла около кибитки вдовы. И всѣ къ этому скоро привыкли.

Много прошло времени и перестали уже свои языки чесать сосѣди, но только однажды видятъ они горить огонь подъ котломъ, готовить пловъ вдова, а муллы нѣтъ.

И всѣ удивились. Стали снова говорить и спрашивать вдову, что за причина этому. Но не могла женщина ничего отвѣтить. Прошелъ другой, третій день—пересталъ мулла ходить въ кибитку къ вдовѣ.

Страшно обидѣлась женщина.

Встрѣтила она однажды муллу и спросила: «Отецъ разсердился, вѣроятно, на свою глупую дочь, не понимавшую его мудрости и пересталъ поэтому ходить къ ней въ гости?»

Задумался мулла, глядя на ее красивое лицо и на сосѣдей, что стояли близко прислушиваясь къ разговору, потомъ вздохнулъ да и говорить:

«Любилъ я ходить къ тебѣ, Джанымъ ¹⁾, потому что ты хорошая хозяйка. Пріятно мнѣ было сидя въ кибиткѣ любоваться на блестящіе котлы для пищи и чистыя блюда, стоявшія всегда такъ красиво; но съ недавнихъ поръ не знаю почему потускнѣла вся твоя посуда и не радуется своимъ видомъ мой взоръ».

Вислеснула руками вдова, горько заплакала:

«Неужели отецъ не слышалъ отъ сосѣдей о новомъ великомъ несчастіи, меня постигшемъ—вѣдь у меня околѣли обѣ мои сабаки, которыя вылизывали такъ хорошо и чисто всю посуду»...

Глава II.

Башъ-Чарбагъ.—Саранча.—Джиръ-Ужъ.

Развалины крѣпости Башъ-Чарбагъ, находящіяся почти противъ переправы черезъ Каферниганъ, когда-то были видимо построены со спеціальною цѣлью—защиты города Кабадіана съ этой стороны.

Высокій холмъ съ остатками, размытыхъ дождями стѣнъ, мрачно темнѣетъ среди окружающей зелени, напоминая собою о томъ далекомъ прошломъ, когда около стѣнъ крѣпости много разъ происходили кровопролитныя сраженія.

Будто въ дремотѣ, задумавшись о быломъ, стоитъ высокій холмъ, вспоминая битвы, кипѣвшія у стѣнъ крѣпости.

— Кто построилъ эту калу, и что объ ней извѣстно мѣстнымъ жителямъ, спросилъ я, обращаясь къ многочисленной свитѣ, сопровождавшихъ меня до этого мѣста.

— Кто знаетъ, тюра, давно, говорятъ, она стоитъ вся разрушенная, отвѣтилъ старый нукеръ.

— Мой отецъ мнѣ рассказывалъ, а онъ помнилъ время, когда стѣны были еще цѣлыми; но съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Люди, дожди и вѣтры ихъ разрушили. Но души тѣхъ, кто палъ у подножья этихъ стѣнъ, не всегда покойны. Онѣ носятъ въ ночную пору вокругъ, поселяя смущеніе въ сердцахъ каждаго путника, проходящаго въ этотъ часъ мимо. Въ тишинѣ ночи можно иногда слышать стоны, лежащихъ въ землѣ.

Какое-то жуткое чувство навѣвали эти остатки сѣдой старины,

¹⁾ Джанымъ—душа.

подъ стѣнами которыхъ, внѣ сомнѣнiя, много храбредовъ сложило свои кости, Совершенно невольно разговоръ прекратился, и мы ѣхали молча мимо этихъ, ничѣмъ уже не отмѣченныхъ могилъ.

Лишь одинъ туркъ Оразъ-Берды, отличавшiйся веселымъ характеромъ, какъ бы желая разсѣять общее настроенiе, поблескивая своими большими глазами, заговорилъ:

— Въ зимнее время, когда на дворѣ непогода, у насъ въ аулѣ всегда собираются всѣ въ одну кибитку и много всякихъ исторiй рассказываютъ. Мулла Риза, который въ прошломъ году умеръ, тотъ хорошо умѣлъ, ко времени, всякую сказку вспомнить....

— Что же онъ при такомъ случаѣ вспоминалъ, заинтересовался я, зная, что услышу непременно что-нибудь оригинальное.

— Онъ, тюрка, говорилъ: жилъ давно Ходжи Насръ-Эдинъ— очень святой человекъ. Разъ возвращался онъ съ тоя, гдѣ его многимъ одарили, черезъ пустынное мѣсто и проходилъ уже мимо кладбища, когда замѣтилъ, что навстрѣчу ему ѣдутъ нѣсколько всадниковъ. Было надѣто на Ходжѣ много хорошихъ шелковыхъ халатовъ, побоялся онъ, что это разбойники и отнимутъ у него всѣ халаты. Быстро снялъ Ходжи съ себя всю одежду и спряталъ ее въ ближайшую яму, а самъ вошелъ въ замѣченный имъ невдалекѣ ходъ въ древнюю могилу, и уже собирался возносить славу Милосердному за свое спасенiе, какъ замѣтили его всадники и, быстро подскакавъ на своихъ коняхъ къ нему, спросили:

— Что дѣлаешь ты здѣсь въ этомъ пустынномъ мѣстѣ и зачѣмъ вошелъ въ могилу тревожить прахъ усопшаго, здѣсь лежащаго?...

Страшно испугался Ходжи за свою жизнь и пробормоталъ въ отвѣтъ:

— О, люди, пусть вѣдомо вамъ будетъ... я мертвый.... Это моя могила... я только вышелъ изъ нея прогуляться на минуту....

Разсмѣялись разбойники, узнавъ въ голомъ человекѣ почитаемаго всѣми Ходжу, и поѣхали дальше, не сдѣлавъ ему обиды.

Подъ впечатлѣнiемъ разказа всѣ снова повеселѣли, обмѣнялись впечатлѣнiями и начали подшучивать надъ старымъ нукеромъ.

Каферниганъ выше переправы снова превратился въ бурную и глубокую рѣку, на поверхности которой виднѣлись мѣстами водовороты. Стремительно неслась вода, ударая въ крутые берега и

встрѣтившись съ перегородкою снова отходила въ сторону, образуя быстро вращающуюся воронку.

Корни камышей и цѣлые стебли стараго прошлогодняго камыша неслись по поверхности мутной рѣки, будто перегоняя другъ друга. Какъ пилою подрѣзывая землю береговъ и унося ее съ собою, теченіе постепенно размывало ихъ. Съ грохотомъ, равнымъ по звуку глухимъ пушечнымъ выстрѣламъ, падали иногда массы помдытой земли въ воду, и лишь новая воронка начинала вращаться на этомъ мѣстѣ, быстро смывая со дна упавшую массу земли и унося ее дальше внизъ, гдѣ прибывала къ какой-либо отмели, образуя новый берегъ, который въ короткое затѣмъ время, вновь покрывался зеленью молодыхъ камышей, совершенно измѣняя общій видъ береговъ рѣки.

Мѣстами, въ глубокихъ низинахъ, наполненныхъ отстоявшеюся прозрачною водою, виднѣлась масса мелкой рыбы, весело плескавшейся на поверхности.

Ниже на днѣ можно было различить крупныхъ сазановъ, сомовъ и шукъ, лѣнливо двигавшихся въ тепловатой водѣ.

Водяные жуки, водолюбы сновали по всѣмъ направленіямъ. То качаясь на гибкихъ стебляхъ болотныхъ растеній, то пролетая надъ водою, вездѣ виднѣлись красивыя изумрудныя цикады.

Мѣстами тропа пролежала по густымъ зарослямъ лакрицы, изъ корней которой добывается вывариваніемъ медикаментъ того же имени.

Масса земляныхъ мышей и сусликовъ, испуганныхъ топотомъ лошадей перебѣгали дорогу, пугливо прячась въ свои норы...

Иногда впереди показывались какія-то темныя пятна, рѣзко выдѣлявшіяся на желтоватомъ фонѣ лѣса ²⁾). Подъѣзжая ближе, съ невольнымъ удивленіемъ приходилось останавливаться передъ мириадами недавно отродившейся саранчи, покрывавшей собою значительныя пространства. Медленно двигаясь впередъ и, все время высоко подпрыгивая, саранча какъ будто лишь набиралась еще силъ.

— Однако, какъ ее много, удивился я, рассматривая эту живую кашу, двигавшуюся по всѣмъ направленіямъ.

— Да, тюра, много, равнодушно отвѣтилъ одинъ изъ нукеровъ.

— Но вѣдь она можетъ съѣсть всѣ посѣвы?!

— Можетъ, тюра, если захочетъ Аллахъ, видимо относясь къ

2) Лѣсъ — желтоземъ.

этому врагу полей совершенно безразлично, подтвердилъ другой голосъ.

— И неужели никакихъ мѣръ противъ нея здѣсь вы не принимаете?

— У насъ людей въ кишлакахъ мало, а саранча отрождается въ горахъ вокругъ, и сдѣлать съ нею ничего нельзя. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ людей много, канавы копаютъ и засыпаютъ въ нихъ молодую саранчу, а у насъ нѣтъ.

Горы между тѣмъ съ обоихъ сторонъ какъ бы придвинулись къ рѣкѣ, сузивъ всю долину и оставляя неширокую полосу по берегамъ, на которой уже не видно было обработанныхъ полей, оставшихся позади. Лишь мѣстами встрѣчались одинокія кибитки, около которыхъ были разработаны небольшіе участки, засѣянные арбузами и тыквами на тѣхъ мѣстахъ, которыя покрываются водою во время разлива.

Сохраняя въ себѣ значительную влагу, земля здѣсь безъ искусственнаго орошенія даетъ огромный урожай.

Развалины крѣпости Чимглышъ-Кала, ввидѣ высокаго холма, поднимались надъ рѣкою, закрывая въ прежнее время входъ въ долину съ сѣверной стороны и представляя изъ себя часового, охранявшаго все поселенія, находившіяся ниже по теченію Кафернигана.

Вокругъ, какъ и во всей долинѣ, встрѣчались высокіе курганы, представлявшіе собою, какъ надо полагать, могильники, жившихъ здѣсь народовъ древности. Никакихъ раскопокъ и археологическихъ изслѣдованій здѣсь никогда не производилось, и поэтому лишь въ будущемъ возможно опредѣлить эпоху, къ которой они принадлежали. Хотя теперь можно лишь предполагать, что они являются слѣдами пребыванія въ здѣшнихъ мѣстахъ скифовъ и парфянъ, кочевавшихъ на этихъ равнинахъ, входившихъ въ составъ Бактрійскаго, а позднѣе Индоскифскаго и Индопарфянскаго государствъ.

Существующее запрещеніе вѣзда внутрь Бухарскаго ханства иностранцамъ, а въ особенности англичанамъ, при непосѣщеніи этихъ мѣстъ нашими археологами, создали особое положеніе, вслѣдствіе котораго раскопки никѣмъ и никогда не дѣлались, а находимыя случайно различныя древности, въ большинствѣ случаевъ, попадая въ руки скупщиковъ, перепродаются ими за границу.

Поставивъ лошадей на приколы и разведя на берегу рѣки костеръ, мы расположились на ночлегъ.

Въ воздухѣ, съ заходомъ солнца почувствовалась прохлада. Спать не хотѣлось и, лежа на буркѣ, я наблюдалъ за своими спутниками, начавшими приготовленіе ужина.

Небольшой баранъ, привязанный на веревкѣ, мирно пощипывалъ сухіе стебли камыша, не подозрѣвая, что тутъ же рядомъ съ нимъ нукеръ Мирза-Махмутъ точилъ свой кривой ножъ, пробуя остроту его лезвія на ногтѣ.

Чтобы не видѣть этой казни, я отвернулся и заговорилъ со старикомъ Джевачи, сидѣвшимъ невдалекѣ, спросивъ его, знаетъ ли онъ всѣ мѣста въ горахъ Койчи-Тау, мрачно чернѣвшихъ своими вершинами.

— Я, тюра, здѣсь въ этихъ мѣстахъ родился и когда былъ молодымъ самъ ходилъ со стадами по склонамъ тѣхъ горъ и хорошо помню въ нихъ каждую тропинку. А теперь не разъ ѣздилъ въ нихъ сопровождать амлядора, при сборѣ зякета³⁾! Но только тамъ есть много мѣстъ, совершенно недоступныхъ и только по страшнымъ крутизнамъ можно добраться до живописныхъ ущелій, покрытыхъ густыми травами, среди которыхъ вытекаютъ родники холодной воды, окруженные деревьями.

Если посмотрѣть, то кажется, что человѣкъ развелъ своими руками эти сады, но это все растеть само. Самъ себѣ не вѣришь, когда увидишь; думается, что это—Джиръ-уюкъ...

— А что такое Джиръ-уюкъ? заинтересовался я, услышавъ новое, незнакомое названіе.

— Но, тюра, неужели ты никогда объ этомъ не слышалъ, удивился старикъ...

Джиръ-уюкъ такое мѣсто въ пустынѣ, которое заколдовано злыми джинами для своей жизни. Поэтому найти его очень трудно, и рѣдко кому удается. Тѣ, кто видѣли Джиръ-уюкъ рассказываютъ, что стоитъ онъ среди песчаной безводной пустыни, но всѣ дороги къ нему заколдованы и найти ихъ нельзя. Мнѣ говорилъ одинъ старый мергенъ, онъ одинъ разъ заѣхалъ далеко въ пески. Лошадь у него пала, и ему пришлось идти пѣшкомъ.

Далеко онъ шелъ, но сбился съ дороги. Три дня ходилъ по бараханамъ и думалъ уже, что умирать надо. Только видитъ онъ, стоятъ впереди высокіе, высокіе бараханы. Захотѣлъ онъ взойти на нихъ, чтобы сверху осмотрѣть всю степь. Силъ почти уже не было и долго онъ влѣзалъ наверхъ.

³⁾ Зякетъ—подать со скота.

Поднялся, смотреть, а внизу на другой сторонѣ раскинулся огромный садъ. Среди высокихъ деревьевъ, покрытыхъ плодами, блестятъ на солнце широкіе и глубокіе хаузы. Весело щебечать разныя птицы и ходять по зеленой свѣжей травѣ всякіе звѣри.

Обрадовался мергень. Поѣлъ персиковъ, винограда, сладкихъ дынь, напился воды, отдохнулъ подъ тѣнью деревьевъ и пошелъ по садамъ. Видитъ онъ стоитъ красивая юрта изъ бѣлаго войлока. Подошелъ онъ къ ней, а навстрѣчу ему выходитъ изъ юрты молодая дѣвушка. Поклонился онъ ей, а она его стала просить зайти и быть гостемъ.

Взошелъ мергень въ юрту. Вся увѣшана она самыми лучшими коврами, и вездѣ на полу лежали мигкія шелковыя одѣяла.

Сѣлъ онъ и сейчасъ же принесла дѣвушка блюдо жирнаго плова. Долго голодалъ мергень, а тутъ уже для него пришелъ праздникъ. Съѣлъ онъ весь пловъ. Но только видитъ, что красавица подаетъ ему все руками, закрытыми длинными рукавами халата. Умный былъ мергень, много уже на свѣтѣ жилъ, а потому зналъ, если женщина не показываетъ рукъ, значить прячетъ она свои когти. Но когти вырастаютъ, какъ ты, тюра, самъ знаешь, только у Джистернака ⁴⁾—злого. Зналъ онъ одну молитву, но улетѣла она изъ его головы. Стало тогда ему страшно.

Приготовила красавица для него постель, а сама ушла. Подумалъ мергень, посмотрѣлъ вокругъ, видитъ лежитъ много всякихъ ковровъ и одѣялъ, Свернулъ онъ ихъ вмѣстѣ, положилъ на постель и покрылъ своимъ верхнимъ халатомъ, а самъ легъ въ сторонѣ, но только зарядилъ свой мултукъ, заговоренной серебряной пулею.

Лежалъ онъ долго и любовался, какъ лунный свѣтъ освѣщаль всѣ деревья. Вдругъ видитъ идетъ къ юртѣ дѣвушка, но только лицо у нее все страшное и глаза горятъ какъ угли. И стучать желѣзные когти на ея ногахъ о твердый лесъ.

Взошла она въ юрту и сразу кинулась къ постели, вцѣпившись въ накрытый халатомъ свертокъ, своими длинными и острыми когтями.

Прицѣлился мергень хорошенько изъ мултука и выстрѣлил. Вскрикнулъ тогда Джистернакъ ужаснымъ голосомъ и упалъ мертвымъ.

⁴⁾ Джистернакъ—мифическое существо.

А мергенъ вспомнилъ тогда молитву, но только сказалъ первое ее слово, какъ пропала изъ глазъ и юрта, и хаузы, и сады, а онъ лежитъ среди барахановъ, и никого нѣтъ вокругъ. Все-таки набрался онъ много силы, поѣвши и отдохнувши, шель снова два дня и пришелъ къ своей кочевкѣ. Залаяли на него собаки, не узнавши хозяина, а свои все смотрятъ: пошелъ онъ кара-сакаломъ ⁵⁾, а назадъ пришелъ ак-сакаломъ ⁶⁾.

Джигить между тѣмъ вырылъ глубокую яму и свалилъ въ нее все пылающіе угли изъ костра. Выждавъ, чтобы огонь окончательно прогорѣлъ, онъ продѣлъ длинный желѣзный пруть черезъ сухожилья всѣхъ четырехъ ногъ уже очищенного барана, вложилъ въ середину грудной и брюшной полости какихъ то травъ, нѣсколько куръ и фазановъ, вмѣстѣ съ курдючнымъ и внутреннимъ саломъ, а затѣмъ, зашпиливъ ее кусками проволоки, повѣсилъ надъ ямою.

Запахъ зажарившаго мяса сталъ разносится вокругъ, дразня аппетиты. Все съ особымъ интересомъ стали посматривать въ сторону нашей кухни, прислушиваясь къ шипѣнію сала, падавшаго на угли.

Черезъ часъ мы уже сидѣли вокругъ лежавшаго, на кускѣ деревянной доски, жаркого и при свѣтѣ костра уничтожали огромныя порціи. Птицы, сжаренныя въ бараньемъ салѣ, да и самая баранина были удивительно вкусны и душисты.

Выпивъ чашками жирный сокъ, наполнявшій середину, все ѣли, вырѣзая огромные куски. Мы то и дѣло подавали на концѣ ножа особенно лакомыя части.

Ахметъ поражалъ всѣхъ своимъ аппетитомъ.

Съѣвъ цѣлую ляшку баранины, онъ принялся за курицу, и скоро одни лишь кости напоминали о ея быломъ существованіи. Но и другіе нукеры не отставали отъ него. Мы же невольно эта картина напомнила пиры дикихъ, такъ какъ все ѣли упрощеннымъ способомъ, при помощи своихъ рукъ, помогая себѣ небольшими ножами.

— Эхъ еще бы кушалъ такой же барана: вздохнулъ Ахметъ, бросая собакамъ послѣднія, обглоданныя кости.

— Хорошо у кого денегъ много, чтобы каждый день покупать по одному барану. Хотѣлъ бы имѣть тысячу монетъ золотыхъ, расфантазировался онъ вслухъ.

⁵⁾ Кара-сакаль — чернобородый.

⁶⁾ Акъ-сакаль — бѣлобородый.

Джевачи, давно уже насытившійся и сидѣвшій въ сторонѣ, укоризненно покачалъ головою.

— Знаешь, какъ говорятъ: кто много хочетъ, ничего не получить.

— Я, тюра, рассказывалъ тебѣ про Джирь-уюкъ, а только сказалъ не все.

У насъ, говорятъ, одинъ батырь сталъ искать такое мѣсто. Долго ѣздилъ по пескамъ и наконецъ нашелъ его.

Видитъ большая долина, а среди нея глубокіе хаузы и вокругъ сады съ разными птицами и звѣрями. А въ садахъ гуляютъ двѣ красавицы одна лучше другой. Былъ батырь молодъ и красивъ. Подошелъ онъ къ красавицамъ и, сказавъ селямъ, заговорилъ съ ними. Узналъ онъ, что отецъ ихъ повелѣваетъ всѣми джинами и имѣетъ много всякихъ богатствъ. Зажгли ихъ черные глаза кровь у батыря. Разомъ забылъ онъ своихъ, и родныхъ, и свою кочевку, и рѣшилъ остаться навсегда въ этомъ чудномъ мѣстѣ, взявъ себѣ въ жены обѣихъ красавицъ. Сказалъ онъ имъ свои мысли, и не были онѣ противны имъ, потому что и самъ онъ былъ молодъ и красивъ.

Дали онѣ свое согласіе сдѣлаться его женами, но только говорятъ: «отдастъ насъ отецъ тебѣ въ жены, если ты не будешь стараться узнать его тайны, и будемъ мы жить съ тобой въ счастья и довольствѣ, пока ты будешь умѣренъ въ своихъ желаніяхъ и не пожелаешь многого—довольствуясь тѣмъ, что имѣешь».

Были тѣ красавицы дочерьми большого джина, которому всѣ малые подвластны.

Только успѣлъ онъ дать свое согласіе, тотчасъ же появились юрты—съ коврами, а въ нихъ на блюдахъ пловъ и разныя кушанья, среди которыхъ стояли турсуки съ крѣпкимъ кумысомъ и бузою.

Устроили свадьбу, и сталъ онъ жить въ новыхъ юртахъ, вмѣстѣ со своими красивыми женами.

Но только человекъ такъ устроень, что ничѣмъ онъ не бываетъ доволенъ. Сталъ скучать батырь отъ хорошей жизни. И захотѣлось ему узнать тѣ тайны, о которыхъ говорили его жены.

Сказали онѣ ему, что недалеко отъ Джирь-уюка есть другой, въ которомъ большое озеро съ прозрачной водой, а посрединѣ него на островѣ стоитъ дворецъ, въ которомъ собраны всѣ богатства, принадлежащія ихъ отцу, и лежатъ тамъ въ мѣшкахъ, какъ пшеница, драгоценные камни и золотой песокъ, а стѣны и столбы украшены золотыми узорами и вездѣ стоятъ блюда, чашки и котлы изъ чистаго золота.

Захотѣлъ онъ увидѣть эти богатства, сталъ просить своихъ женъ открыть ему, какъ найти это мѣсто. Долго не хотѣли онѣ, но самъ

знаешь, тюра, языкъ у женщины, такой же, какъ у сороки. Среди любовныхъ ласкъ и поцѣлуевъ открыли ему жены всѣ примѣты, и пошелъ онъ сейчасъ же отыскивать большой Джиръ-уюкъ.

Хорошо онъ запомнилъ примѣты и въ скоромъ времени съ вершины высокаго барахана увидѣлъ прекрасное озеро, а среди него на островѣ чудный дворецъ. Съ большимъ трудомъ переплылъ батырь черезъ холодную прозрачную воду, въ которой плавали огромныя, страшныя рыбы.

Взошелъ онъ внутрь двора и остолбенѣлъ, когда увидѣлъ тамъ много золота и драгоценныхъ камней, которые такъ сияли, что глазамъ было больно смотреть.

Забылъ онъ всѣ свои обѣщанья, и ласки молодыхъ красавицъ женъ, и блюдо жирнаго плова, что ѣлъ каждый день, сколько хотѣлъ, и мягкія одѣяла и ковры, на которыхъ спалъ. Все забылъ. Захотѣлъ онъ имѣть эти богатства. Схватилъ большой чумаль и сталъ въ него сыпать золотыя тилля и драгоценныя камни.

Полонъ сдѣлался чумаль, а ему все мало. Хватаетъ онъ горстями золото и набиваетъ себѣ за пазуху халата. Потомъ поднялъ мѣшокъ и понесъ его наружу, но по дорогѣ увидѣлъ новую гору драгоценныхъ камней, взялъ ихъ еще горсть и, только подумалъ вложить ее за халатъ, какъ исчезъ изъ глазъ прекрасный дворецъ, исчезло озеро, и деревья, и рыбы, и птицы, и звѣри, и ничего не стало видно вокругъ...

Оглянулся батырь еще разъ, протеръ свои глаза—видитъ сидитъ онъ на верху высокаго бархана, и нѣтъ конца пескамъ сыпучимъ...

Насилу потомъ нашелъ дорогу къ своей кочевкѣ.

Все имѣлъ и ничего не осталось!...

Слишкомъ много хотѣлъ и не былъ доволенъ тѣмъ, что ему послала судьба!...

Такъ всегда наказывается жадность!

Глава III.

Военные порядки въ Афганистанѣ.—Разбойники.—Положеніе населенія.

Между Чимглышъ-Калой и Ходжабадомъ дорога пролегла по холмистымъ предгорьямъ. Долина рѣки значительно сузилась, и берега ея уже не имѣли характера равнины съ безконечными тугаями, хотя все же заросли камышей встрѣчаются по низинамъ, среди которыхъ мѣстами стоятъ одинокія кибитки, преимуще-

ственно на холмахъ, въ большинствѣ случаевъ представляющихъ собою остатки древнихъ небольшихъ крѣпостей. Но время разрушило ихъ глинобитныя стѣны, а дожди смыли все съ вершины холма. Лишь неясный абрисъ прежнихъ рвовъ и валовъ указываетъ на бывшее значеніе этихъ холмовъ, насыпанныхъ, надо полагать, первоначально на могилахъ великихъ людей, еще болѣе ранней эпохи.

Одинъ изъ этихъ холмовъ, выдвинувшійся далеко въ рѣку, омывавшую полуостровъ, на которомъ онъ стоялъ, повидимому недавно сталъ подмываться быстрымъ теченіемъ, оторвавшимъ отъ него почти половину его толщи.

Подѣхавъ ближе, въ разрѣзѣ, мы увидѣли слой углей, среди которыхъ выступали куски бревень, а еще ниже открывалась какая-то дыра, съ торчавшею изъ нея большою плитою сѣроватаго камня.

— Что здѣсь было? задумался я, всматриваясь въ разрѣзъ холма.

— Здѣсь, тюра, была могила, какъ бы отвѣчая на мою мысль, сказалъ Джевачи.

Такихъ много по берегамъ, и когда рѣка мѣняетъ свое теченіе, то мы часто видимъ, какъ вмѣстѣ съ землей падаютъ въ Каферниганъ глиняные ящики, служившіе тѣмъ, чьи кости въ нихъ находятся.

Наши старики говорятъ, что это не могилы правовѣрныхъ, такъ какъ въ ящикахъ, въ которые по ихъ величинѣ, можно положить только ребенка, находятся кости взрослыхъ людей, сложенныхъ вмѣстѣ и закрытыхъ крышкою. Вода все очищаетъ, а потому она смываетъ ихъ, и уноситъ съ собою, даже и прахъ этихъ невѣрныхъ, не желая, чтобы имъ загрязнялась земля, на которой живутъ правовѣрные....

На высокомъ выступѣ берега, входившемъ ввидѣ полуострова въ рѣку, виднѣлись юрты, съ камышевымъ высокимъ заборамъ для загона баранты. Рослый, съ черною окладистою бородою, въ которой серебрилась сѣдина, показался на ея порогѣ хозяинъ, по виду афганецъ, внимательно начавшій всматриваться въ насъ своими темными печальными глазами.

— Вотъ тутъ можно стать на отдыхъ, указалъ джигитъ на кибитку, привѣтливо насъ манившую.

Д. Логофетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

